

# Путь начал...

**ПЕРВАЯ** пьеса О. Стукалова, названная им «Картонный домик», — произведение молодое и страстное, в котором начинающий литератор стремится решить сразу многие проблемы жизни, ищет ответа на многие вопросы. Его волнует судьба молодого поколения советских людей, он задумывается — как, в каких условиях должны формироваться характеры будущих строителей коммунистического общества, размышляет о любви и дружбе, низвергает при-способления и туннельные, с молодым гневом отворачивается от мещанства, клеймит то дурное, что получили мы в наследство от прошлого. И все это он делает с молодым задором, с наивным по-час гневом, порой с обидой, неиз-вестно откуда возникшей у чело-века столь молодого... В пьесе ужи-вается поэтическое, какое-то даже возвышенное прославление высо-ких норм морали, светлой души советского человека и нотки уязвимости, душевные сомнения, пусть преодолимые писателем, но все же тревожащие его. Эти два течения не связываются свободно. Они существуют в пьесе рядом, они — словно неожиданная смена настроений характера неуравнове-шенного.

То же и в спектакле Малого те-атра, театра, поверившего в Стука-лова и много сил отдавшего его пьесе. Ведь это именно театр по-мог драматургу укрепить позитив-ную часть пьесы, помог зазвучать молодому голосу бодро и ясно.

И все же...

В первом акте спектакля выяс-няется, что студенты Нина и Коля полюбили друг друга. Но родите-ли юности, не веря в силу чувства, в главное — в постоянство своего будущего сына, холодно встре-чают его невесту. Тем более, что Коля только что бросил институт. Но решение Коли и Нины быть вместе непреклонно. И вот вечер, уток парк. Два чемодана, сумка и теннисная ракетка — все пожит-ки героев — свалены на скамейке. Здесь и пристроилась на ночле-гу светловолосая героиня Нина — Р. Нифонтова. Рядом Николай — Н. Подгорный тихо при свете звезд лобуетса задремавшей незе-стой.

Здесь их и находит молодой крутолицый паренек милиционер Петя (артист Г. Сергеев) и приво-дит под свой кров, в полуразвалив-шийся домишко № 13 в «Послед-нем тузике». И вот герои (а как трудно им, два десятилетия про-жившим под родительским кры-лом!) делают свои первые шаги по жизни, учатся распознавать лю-дей. Большая любовь, настоящая дружба выдерживают все. Коля находит свое призвание в журна-листике. Нина кончает институт. Самостоятельная жизнь оказалась хорошей школой.

Рудится хибарка, приютившая их, на месте ее — тонкие столбы дорывав молодого сада и величе-ственные корпуса новостроек.

Сцена эта, когда на глазах у зри-телей люди в комбинезонах ломают старую, окрашенную временем в унылые и блеклые тона дом, должна, вероятно, символизиро-вать в спектакле окончательную победу прогрессивного, нового и в жизни нашей, и в сознании лю-дей. Можно было бы, вероятно, найти иное, не такое «механи-чески-конструктивное» заверше-ние пьесы и спектакля, решить финал в плане психологическом. Но и это — путь возможный, во всяком случае наглядный.

Да, в светлое будущее смело идет Нина, которую Р. Нифонтова рису-ет мягкой и ясной, светлой и до-брой, очень правдиво произнося ее лирические тирады о любви (одна-ко не ограничивает ли себя актри-са, не слишком ли похожа эта ее

## «Картонный домик» О. Стукалова на сцене Малого театра

героиня на два предыдущих жен-ских образа, созданных ею на сцене Малого театра?). Рядом с ней друзья ее, положительные герои, простые хорошие ребята — ми-лиционер Петя и слесарь Игнат. Вот уж чьи образы раскрываются пи-сателем и исполнителями любовью, тщательно. Герои эти наделены и обаянием, и самобытностью, привле-кательными и верным взглядом на мир. У артистов Г. Сергеева и В. Дорониной, пожалуй, наиболее точное сочетание серьезности и лиризма с юмором и доброй комедийностью, так характерные для пьесы. Сцены их, как и многие эпизоды спектакля вообще, реше-ны режиссером Д. Вурсом ис-ключая, яснолюбовно.

Так же яснолюбовно играет центральный роль Николай Н. Под-горный. Да, возлюбленно. Но что же это за характер?

Много спорного у Николае, юно-ше, непонятно чем и как обижен-ном и даже озлобленном. По мыс-лям автора пьесы, герой этот дол-жен пройти путь возмужания. Влияние советской жизни должно с корнем уничтожить зародыши нигилизма и бравады, которые чем-то роднили Николая с теми сердитыми молодыми людьми, о которых столько говорят и пишут на Западе. Но, к сожалению, уже к середине пьесы обрываются до-роги, которыми идет к возмужа-нию герой. Появляются мелкие недоразумения с Нинкой, реальность, наконец, совсем уж странная история с Гаврилинским, пытаю-щимся «заманить» юному в тенета своей страшной философии. И интерес к этому, уже теперь мел-кому, копанию в душе героя бы-стро тускнеет. Поэтому в итоге торжество нового в характере и судьбе Николая не так уж и вол-нует...

Страстью непримиримости Нико-лая ко всяким недостаткам, его неумение уживаться со всякой скверной Подгорный передает ис-кренне и уверенно. Хорошо, что гневные выступления перебивают-ся в поведении его детской не-уравновешенностью, вспыльчи-востью. И сцены смешные артист, проводит весело, легко, стреми-тельно. Но вот в поэтических мо-нологгах его героя есть какое-то излишнее напряжение, излишняя нервность. Смягчить, «усто-коить» Николая — вот о чем, ду-мается, следует позаботиться мо-лодому исполнителю.

Впрочем, это не так просто. По ходу событий Николай сталкивает-ся с Гаврилинским, пропойцей «из бывших», являющимся «главным злом» в пьесе.

«Тяжкий клопик», он же «великий утешитель», Гаврилин в исполне-нии Н. Светловидова — это парсо-наж чуть ли не театра Горького, это хитрая, злая сила. Прямой-стый грязный старикашка со спо-зающими штанами и шныряющи-ми глазами, фигура омерзитель-ная до физической дрожи и вели-чественная по тому мастерству, с которым она выполнена. Но ведь Гаврилин атот, да и все, что прои-сходит с ним, гнусное, грязное, со-вершенно не вяжется с пьесой, приносит в нее ненужные ноты. Да и не жизненно все это! Ведь скорее обитателем книжной пол-ки, чем реально существующим человеком наших дней выглядит этот оживленный фантазией дра-матурга мракж прошлого, осколок царского режима, Гаврилин. И не преувеличил ли еще роль этого эпизодического персонажа режис-сер? Ведь сцены, где он действует, невольно вносят в спектакль чуж-дую ему мрачную окраску.

И еще кое о чем хочется поспо-рить с постановщиком. Есть при-молинейность в решении отрица-тельных персонажей (хотя они, надо сказать, грубее выписаны и в пьесе). Вряд ли «стиляжка» Нора — женщина, променявшая труд и любовь на «модное» прозябание, эта беспутная «рыжая и белая кошка», которую от спокойной жизни потянуло на крышу, но ко-торая в пьесе все же не лишена нелепого обаяния, — должна была выглядеть такой нечеловечески грубой, наглой и пиничной. К. Рокк играет эту роль смело и сильно, в соответствии с мыслью режиссера, употребляя краски предельно яр-кие. А может быть, мещанство — одно из зол, с которыми вступает

в бой Стукалов, — могло разобла-чаться тоньше и умнее?

Во многом это относится и к трактовке характера «литератора-платитора» Васина. Б. Горбатов далеко не во всех сценах нашел верный тон осуждения психологии своего героя. И уж совсем лишены достоверности сестра Николая, ее муж — тряпка, бюрократ — работ-ник редакции...

Пьесе, развитой чуть ли не на двадцать эпизодов, нужна была ор-ганизуемая рука режиссера, кото-рая направила бы отдельные ее сюжетные линии в общее русло, которая помогла бы преодолеть ее композиционную несобранность. В спектакле же не хватает именно единства. Не помог режиссеру Д. Вурсу художник Э. Шенберг, внесший разностильность еще и в оформление.

Большая часть сцен проходит в удачно придуманной декорации: старый, с обвалившейся штукатур-кой дом поворачивается к зрите-лям разными своими сторонами — то одна комната открывается пе-ред нами, то другая. И в каждой своя, особая жизнь. Но как соеди-нить с этим «натуральные» кисти сирени на кустах парка или невы-разительный, но показанный в совсем ином, подробно и уныло до-стоверном плане интерьер в пер-вом и четвертом действиях?

Несколько претенциозно музы-кальное оформление спектакля Н. Каретникова.

Жаль, что режиссер Д. Вурс недостаточно лаконичен, что он за-сорятил спектакль нагромождением необязательных деталей, специ-ально придуманных мелочей. Ко-някие выдумки к тому же грубо-ваты и порой идут не по главно-му направлению.

...На сцене Малого театра идет новый спектакль. Уже сейчас у не-го есть защитники и противники. По-своему правы и те, и другие: в пьесе и спектакле есть и хоро-шее, и дурное. Но, думается, го-ворить о «Картонном домике» нужно по-доброму, с желанием помочь молодому литератору и не столкнуться его с тернистой подчас, но такого почетного пути драмати-ческого писателя. Ведь Стукалов, а вместе с ним и театр, пусть не всегда удачно, но бьются за высо-кое, за настоящее в искусстве.

Т. ЧЕБОТАРЕВСКАЯ